

Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ: НАПРАВЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Статья посвящена рассмотрению социальной сплоченности как научной категории. С опорой на труды классиков социологии и современных ученых авторы статьи раскрывают разные смысловые грани этой категории, показывая сплоченность как приверженность общему благу или механизм конфликтов между группами, как выгоду или ресурс взаимопонимания, как стратегический приоритет социальной политики или дискурсивный конструкт национализма. За каждым из таких условных наименований подразумеваются теоретические идеи, которые позволяют раскрыть те или иные основы социального порядка, условия и механизмы сплоченности, а также проследить их связи с идеологиями, доктринами или стратегиями социальной политики. В статье представлена систематизация аналитических подходов и предложен ряд идей относительно изучения разнообразных оснований и форм социальной сплоченности в современном российском обществе. Предложено концептуализировать сплоченность в следующих взаимосвязанных измерениях: во-первых, как системные усилия основных акторов, направленные и ресурсно обеспечивающие благополучие населения и социальную интеграцию при помощи институциональной базы, в том числе учреждений и организаций, проводящих эту политику на практике. При этом социальная сплоченность выступает одновременно и целью, и средством такой политики. Во-вторых, как степень распространенности ценностей сплоченности в обществе, что, в свою очередь во многом обусловлено стратегиями конструирования, или символического производства сплоченности, в частности, в дискурсивном пространстве СМИ и массовой культуре. В-третьих, через механизмы общенациональной и внутригрупповой мобилизации, формирования публичной сферы по проблемам сплоченности, доверия и инклюзии.

---

* В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784. Авторы выражают признательность доценту НИУ ВШЭ О.А. Симоновой и научному сотруднику НИУ ВШЭ Е.И. Лыткиной за ценные замечания и рекомендации.

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, PhD, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва (elena.iarskaia@socpolicy.ru)

Elena Iarskaia-Smirnova — Doctor of Sociology, PhD, Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University 'Higher School of Economics, Moscow, Russia (elena.iarskaia@socpolicy.ru)

Ярская Валентина Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, научный руководитель Социологического центра Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (valentine@sgu.ru)

Valentina Yarskaya — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology, Social Anthropology and Social Work, Research Advisor of the Sociological Center, Saratov State Technical University, Saratov, Russia (valentine@sgu.ru)

Ключевые слова: социальная сплоченность, солидарность, доверие, инклюзия.

В ноябре 2014 г. в Интернете появилось видео, которое опубликовали студенты Института иностранных языков имени Тореза. В течение двух месяцев они носили своего однокурсника с инвалидностью Глеба Кузнецова на занятия на руках, потому что преподаватель отказалась проводить лекции на первом этаже (Прозоров 2014). Одаренный молодой человек, который передвигается при помощи инвалидной коляски и почти не видит, самостоятельно и блестяще осваивает материал. Чтобы он мог учиться вместе со всеми, достаточно всего лишь проводить занятия на первом этаже, поскольку здание университета не оборудовано лифтами. Руководство вуза согласилось с этим, но одна преподавательница не захотела спускаться на первый этаж ради инвалида. Матери Глеба в деканате заявили, что случившееся послужит хорошей «прививкой», — чтобы знали, не все люди добрые. И студентки продолжали поднимать парня в коляске на второй этаж по узким лестницам. Публикация видеоролика в Интернете привлекла внимание СМИ, официальных структур, и проблему решили моментально: курс передали другому преподавателю, и занятия проводятся в доступной для всех аудитории.

Такими примерами наполнена российская повседневность. К сожалению, нередки и такие случаи, в которых человек вообще оказывается один на один с собственной бедой. В современном обществе, особенно в мегаполисе, люди сильно разобщены, едва успевают справляться со своими личными проблемами. Но все же у многих сформированы круги поддержки. В целом ряде ситуаций сплоченность сообществ растет на глазах. Так бывает и в моменты мобилизации волонтеров на помощь пострадавшим от стихийных бедствий, и в ситуациях, похожих на случай Глеба, — когда институты, отвечающие за включенность индивидов в полноценную жизнь общества, отказываются работать. Эти институты возводят в абсолют свои нормы, сплываются вокруг них, и начинают обслуживать свои собственные потребности, утверждаться во власти и воспроизводить статусные иерархии. Лишь огласка и последующее за ней вмешательство вышестоящих инстанций могут заставить их работать, как предполагается. А до тех пор — доверие и поддержка, взаимоуважение и гражданское участие служат теми нитями, которые скрепляют общество, удерживая его от распада.

Как возможно современное общество при ведущей тенденции разрыва первичных связей? Какими нитями скреплены между собой индивиды и группы? Что делает социальную совместную жизнь возможной — невидимая рука рынка, общественная мораль, борьба за равенство? Социальная сплоченность не раз оказывалась в центре внимания ученых, исследующих социальные переплетения, удерживающие общество в целостности. Одни авторы связывали сплоченность со способностью людей формировать коллективную идентичность, с чувством принадлежности к коллективному целому, трактовали ее как ресурс поддержки и взаимопонимания или основу разделения «мы и они». Другие видели ее основы в добродетелях и договоренностях, третьи — во взаимной выгоде. Объясняли сплоченность готовностью и способностью общества к отношениям на принципах равенства, инклюзии. Связывали с ролью государства

и других акторов в мирном урегулировании конфликтов, расширении гражданского участия, возможностью распознать и понять, а не подавлять противоречия.

Теоретические конструкты выходят, отступают и вновь появляются на повестке дня, наполняясь новыми смыслами для ученых, политиков, населения. Термин «сплоченность» навеивает разные ассоциации. Кого-то страшат сплотившиеся и готовые на все ради общих целей их групп бунтовщики, сектанты, преступники. Кто-то увлечен романтикой национального единства или, напротив, не приемлет идеологические конструкты такого рода и слышит в этом слове отзвуки отсталости и враждебности, консервативных традиций, неприятия нового. Описания сплоченной семьи, клана или корпорации могут кому-то напоминать сети, из которых не вырваться, но которые тебя держат на плаву. А кому-то тесно спаянный коллектив, родственники, близкие друзья — или онлайн сообщества, объединяющиеся по поводу необходимой кому-то срочной помощи, — дают ощущение уверенности в завтрашнем дне, надежды и счастья.

В этой статье мы постараемся очертить направления дискуссии вокруг этой непростой категории. Мы попробуем зайти с разных исходных точек анализа, чтобы увидеть разные грани сплоченности, например, как приверженность общему благу или его разрушение, выгоду или ресурс взаимопонимания. За каждым из таких условных наименований стоят теоретические идеи, которые позволяют раскрыть те или иные основы социального порядка, условия и механизмы сплоченности, а также проследить их связи с идеологиями, доктринами или стратегиями социальной политики. В заключение мы систематизируем наши рассуждения и предложим несколько идей относительно изучения разнообразных оснований и форм социальной сплоченности в современном российском обществе.

Сплоченность как приверженность общему благу

Центральной категорией в социологии Эмиля Дюркгейма выступает солидарность (см. Гофман 2013), однако в своих трудах он обращался и к понятию сплоченности. Основания и степень сплоченности меняются с развитием общества, разделением общественного труда. Так, общества с механическим типом солидарности, по мысли Дюркгейма, — гомогенные и потому более сплоченные. Здесь индивидуальное сознание полностью растворено в коллективном, сплоченность опирается на разделяемые ценности, коллективные чувства и идеи. В более сложных обществах с органической солидарностью, где велико разнообразие индивидов, сплоченность снижается, но она все-таки есть. Базируется она на согласии, основанном, в свою очередь, уже не на безраздельном авторитете коллективного сознания, а на функциональном разделении труда (Дюркгейм 1991). Именно в разделении труда Дюркгейм видел основу для воссоздания и формирования единства в обществах современного типа.

Сплоченность как жизнеспособность и энергия социального организма, его единство и умение сопротивляться, согласно Дюркгейму, зависит от степени активности и длительности общения между его членами. Восприятие сплоченности является движущей пружиной морального состояния человека (MacIver 1950: 84, 85, цит. по: Мертон 2006: 283), и суицид может быть следствием недостатка или чрезмерной социальной сплоченности сообщества. В сплочен-

ных обществах альтруистические чувства преобладают над эгоизмом. Вместе с тем, сверхсильная сплоченность некоторых групп ведет к тотальному контролю над личностью, и может подвергнуться отрицанию ценности индивидуальной жизни (Дюркгейм 1994: 72–81). Личность отказывается от частной жизни, собственного мнения, чтобы стать частью единого целого. Поэтому члены сплоченных групп презирают смерть (Хоффер 2001: 76–77) и легко убивают себя. Когда личные цели индивида перевешивают стремление к общему благу, то сплоченность общества ослабевает, и человеку неоткуда получать поддержку в минуты слабости и упадка (Дюркгейм 1994: 53–71). В периоды кризисов коллективное сознание ослабевает, общая сплоченность разрушается, человек ощущает крах всех устоев (аномическое самоубийство).

Хотя для Мертоня центральной категорией была интеграция, он уделял внимание и интересующему нас понятию. Развивая идеи Дюркгейма, Мертон обосновал *показатель социальной сплоченности и ассоциированных ценностей* в своей программе исследования социальной структуры (Мертон 2006: 399–400). Общества, не способные поддержать сплоченность, переживают аномия, согласно Мертону, означающую разрыв между структурой культуры, ценностями, с одной стороны, и социальной организацией общества, легитимными доступными индивидам средствами достижения целей, с другой. Члены сплоченных обществ разделяют общие ценности, на которых основывается их идентичность, моральные принципы и правила поведения, согласно которым люди развивают отношения и достигают своих целей. Ключевая предпосылка его концепции состоит в том, что сплоченные общества сохраняют стабильность до тех пор, пока конфликт и деструктивное поведение не угрожают интеграции.

Сплоченность, как видим, достигается через стремление индивидов стать частью группы или общества в целом, ощущать свою принадлежность общности. При этом сплоченная группа способна сопротивляться как внешним деструктивным силам, так и силам внутреннего распада. А индивид может быть интегрирован в сообщество, но не обязательно ощущать солидарность с ним. Сплоченность можно представить базирующейся как на субъективной солидарности, выраженной в чувствах альтруизма, симпатии, причастности к группе, так и на объективной солидарности, выраженной в функциональной интеграции общественной системы (об истолковании субъективной и объективной солидарности по Дюркгейму см. Гофман 2013: 118).

В центре внимания Толкотта Парсонса — интеграция и поддержание стабильности. Согласно Парсонсу, в условиях возрастания дифференциации общества система сталкивается с функциональной потребностью обобщения множественных специфических и нередко противоречащих друг другу ценностных ориентаций коллективов, организаций, групп. Система вынуждена формулировать ценностные образцы на более высоком уровне общности, «чтобы легитимизировать более широкое многообразие целей и функций входящих в него элементов» (Парсонс 1993: 115). И хотя подобный процесс чреват сопротивлением и конфликтами в силу приверженности групп конкретным вариантам ценностных образцов, все же Парсонс допускает возможность инновации. Интеграция, с его точки зрения, допускает соединение совершенно разных «приложений» системы в единое целое.

Впоследствии критики указывали, что категория интеграции маскирует проблемы и неполадки социального порядка (Jenson 1998: 10), и потому у ряда

исследователей концепт социальной сплоченности тоже вызывал подозрение как отвлекающий внимание от социальных изменений и несправедливости. Дискурсы и стратегии, формирующиеся под флагом социальной сплоченности, могут отличаться консервативной позицией, при которой конфликты и социальные изменения могут считаться опасными для социальной стабильности (Norton, de Naan 2013: 12). Сплоченность трактуется как основа стабильности общества.

Сплоченность как социальное закрытие в ответ на угрозу

Впрочем, отнюдь не все теории сплоченности игнорируют роль конфликта. В марксистских объяснениях конфликт является центральным звеном в процессе формирования солидарности. Классовая борьба понимается как наивысшая форма конфликта, основанная на осознании рабочим потребности в классовой солидарности. Вторя Манифесту коммунистической партии, Сталин писал, что в эпоху пролетарской революции сплоченным должно быть, прежде всего, ядро революционного движения — лишь тогда оно сумеет направить мощь многочисленного и сплоченного капитализмом пролетариата на свержение абсолютизма (Сталин 1947: 307, 311).

О том, что внешние угрозы только усиливают сплоченность «мы-группы» и враждебность по отношению к посторонним, хорошо известно еще со времен Уильяма Самнера (обзор работ о влиянии межгруппового конфликта на ингрупповую сплоченность см.: Benard, Doan 2011). Сплоченность и этноцентризм здесь выступают одним из условий выживания, она нужна группам в их борьбе за существование. На этом построены разнообразные идеологии и практики национализма. Безраздельная преданность группе порождает враждебность к внешним фигурам и подозрительность ко всем членам. Отсюда следует, что сплоченность можно рассматривать не только как приверженность общему благу. Она может быть и негативной, разрушающей общее благо за счет укрепления отдельной группы.

Сплоченность как ресурс власти

С одной стороны, «единая и неделимая солидарность может составлять основу различных форм деспотизма, подавления личных и гражданских свобод» (Гофман 2013: 113). С другой, такие режимы стремятся поддерживать сплоченность, чтобы не допустить своего распада. Члены сплоченных групп в обществе с жесткой властной вертикалью менее склонны к деструктивному поведению, но либерализация правления создает возможность дезорганизации: «Член сплоченной группы имеет, так сказать, более устойчивую “точку революционности”, чем отдельная личность... Причиной революций в тоталитарном обществе чаще бывает не возмущение против угнетения, не возмущение страданиями, а просто ослабление тоталитарного режима» (Хоффер 2001: 31).

Эта закономерность была подмечена еще Алексисом де Токвилем в его впечатлениях об Америке в книге, вышедшей в 1831 г. Тиранические режимы подвергаются риску, когда переходят к либерально-демократическим формам правления, т. е. к реформам. В свою очередь, для подавления духа восстания, по мысли Эрика Хоффера, правящим властям выгодно поощрять ингрупповую

сплоченность, тем самым стимулируя раздробленность и соревновательность внутри общества, разделенного на разные «общественные тела — расовые, религиозные или экономические, соперничающие между собой и не доверяющие друг другу» (Там же: 54). Реформирование с опорой на коллективные устои позволяло проводить более успешную модернизацию «в накаленной атмосфере общих усилий и групповой сознательности» в Японии и Советском Союзе (Там же: 55). Советизированный туземец, пишет Хоффер, осознавал себя членом сплоченной группы, «более тесной и более единой, чем был его прежний клан или племя» (Там же).

Как видим, в этой трактовке социальная сплоченность укоренена в общих нормах и разделяемых ценностях, которые делают общество или сообщество возможным, а национальное или групповое единство необходимым. Ценностно-нормативное единство, согласие становятся тем клеем, который объединяет индивидов и группы, на нем базируются национальные или групповые идентичности. Сплоченность в таком случае рассматривается как *состояние* общества или группы. Понимаемая таким образом сплоченность выступает важным ресурсом управления, дискурсивным конструктом идеологии национального единства, как, например, это звучит в высказывании: «Сплоченность и патриотизм россиян нужно использовать для развития страны» (Путин 2014).

Здесь, можно сказать, сплоченность формируется за счет социального закрытия группы (используя термин Макса Вебера: Вебер 1994). Прочерчивание культурных рамок, отграничивающих группу от окружающего мира и скрепляющих ее изнутри, может достигаться с использованием экспрессивных средств, среди которых выделяется изобретение традиции (Хобсбаум 2000). Это совокупность социальных практик ритуального или символического характера, один из механизмов упрочения социальных связей и членства в группах и общностях, позволяющий вводить и легитимировать институты, статусы и отношения путем отсылки к прошлому при объяснении новой ситуации, либо регулярного повторения сконструированного прошлого. Такой процесс «воображения сообщества» не является стихийным процессом, но индуцируется элитой (см. об этом Геллнер 1991; Андерсен 2001; Хобсбаум 2000).

Сплоченность как взаимная выгода

Во времена аристократии, по словам Алексиса де Токвиля, «каждый человек тесно связан со многими своими согражданами, так что в случае опасности эти сограждане всегда приходят ему на помощь» (Токвиль 1992: 500). А получив свободу и равенство, люди отказываются от традиций, и тогда в обществе снижается уровень сплоченности. Человек оказывается в изоляции, под угрозой оказываются его права. В этом состоит культурная патология демократии, отмеченная Токвилем. Позднее исследователи показали, что рост ценностей индивидуализма и приватизации влияет на самосознание и интересы рабочего класса, фрагментирует его. Сравнительный анализ режимов благосостояния, проведенный Эспинг-Андерсеном, не только продемонстрировал различные эффекты социальной политики в социальной структуре неравенства, но эмпирически доказал, что государство благоденствия само является системой стратификации и может как способствовать, так и препятствовать классовой солидарности и мобилизации (Esping-Andersen 1990: 23, 16).

В частности, социальное обеспечение в либеральных режимах ослабляет механизмы сплоченности, классовой солидарности, создавая новые формы неравенства по признакам гендера, расы и этничности, дохода и места проживания, различия в статусах у занятых в бюджетном и коммерческом секторах, а также по степени зависимости от социального обеспечения (Wetherly 1988: 33). Свой вклад в объяснение разобщения вносят и так называемые культурные трактовки неравенства, которые усматривают причины социальной уязвимости бедных в порочной морали и дисфункциональном поведении людей (Bottero 2005; см. обзор таких подходов: Симонова 2014). Так, в эпоху либеральных ценностей, урбанизации и роста социального обеспечения люди могут все чаще оказываться в изоляции.

Как достичь в обществе такого уровня и характера сплоченности, чтобы высокий уровень обобщенного доверия сочетался с сохранением права индивидуального выбора? Важным элементом демократии, способным примирить свободу и социальную связность, являются «промежуточные институты», как их видел Токвиль: децентрализация власти, ассоциации, независимый суд, пресса и другие механизмы, действующие на ограничение единой власти и направленные на соблюдение закона. Ассоциации позволяют отдельным гражданам объединяться против злоупотребления государственной властью, а подспудно еще и противостоят изоляции, материализму и пассивности, ведущим к потребительскому индивидуализму, этим культурным патологиям демократии. Кроме ассоциаций, за интернализацию морального компаса отвечает религиозность. Наконец, для защиты себя в демократическом обществе можно обратиться к народу или даже ко всему человечеству посредством прессы.

Ключевую роль в консолидации такого рода Токвиль придавал местным общественным объединениям, сравнивая характер отношений в демократическом обществе с профессиональной сплоченностью, какую он наблюдал и в Европе. Люди одной профессии помогают друг другу не только и не столько по доброте душевной. Испытывая одни и те же проблемы, они пытаются сообща искать способы их решения: «в их среде существует своего рода молчаливая и почти произвольная договоренность, согласно которой каждый обязан оказывать другим временное содействие, дабы самому иметь возможность обратиться к ним за помощью» (Токвиль 1992: 416).

В свою очередь, граждане демократического государства связаны между собой молчаливым соглашением, основанным на общих интересах, общих условиях существования, опосредованных законом, и взаимных обязательствах: «В демократиях никто вас не жалуется великими благодеяниями, но зато вам постоянно оказывают добрые услуги. Человек здесь очень редко проявляет склонность к самопожертвованию, но все люди готовы быть полезными» (Там же). Следуя этой логике, в демократии мы имеем дело не с отсутствием сплоченности, а с ее новыми формами. Здесь она основана не на альтруизме, требующем самопожертвования, не на кровных узах, преданности властям или общей идее, а на молчаливых договоренностях о взаимных добрососедских услугах, присущих всем людям добродетелях, причем с осознанием преимуществ, полученных от таких взаимосвязей.

Этот тезис перекликается с упомянутой выше мыслью о сплоченности на основе разделения труда, которая обоснована в трудах Дюркгейма. Иными сло-

вами, речь идет об обществах современного типа, основанных на органической солидарности. Фрэнсис Фукуяма пишет о распространенности социальных добродетелей в обществе с высоким уровнем социальной сплоченности, а также в семье, школе, конкретной организации: по его мысли, именно в такой среде вырабатывается трудовая этика (Фукуяма 2001). Впрочем, профессиональная или цеховая сплоченность может вырабатывать свою собственную технократическую трудовую этику, действующую в интересах группы. По словам Мертонa, так бывает, «когда многие бюрократические нормы, изначально введенные по техническим причинам, становятся жесткими и священными» (Мертон 2006: 330). Тем самым, и это было подмечено Дюркгеймом, архаичные формы сплоченности продолжают существовать и в современном, высоко дифференцированном обществе. Попытки клиентов протестовать или обращаться за помощью к другим чиновникам «оказываются безрезультатными вследствие принципа *esprit de corps*, который объединяет чиновников в более или менее сплоченную группу» (Там же: 331). Честь мундира, как известно, соблюдают не только чиновники, но и представители иных профессиональных групп. Случай Глеба Кузнецова — лишь один из множества примеров того, как педагоги и администраторы учебных заведений сопротивляются небольшим переменам, необходимым для включения в учебный процесс ребенка с инвалидностью. Впрочем, сегодня ситуация в России медленно, но меняется. Ориентируясь на опыт школ — пионеров инклюзивного образования, все больше образовательных учреждений берут курс на реформы.

В рассуждении о взаимовыручке Токвиль указывал на аспект взаимной выгоды от сплоченности. Эти идеи восходят к основам экономического учения, заложенным Адамом Смитом, а также положениям теории общественного договора Джона Локка. С точки зрения Смита, изложенной в его монументальном труде «Богатство наций», впервые опубликованном в 1776 г., благодаря разделению труда повысилась его производительность, а члены общества стали зависимыми друг от друга. Они вынуждены обмениваться, взаимодействовать и сотрудничать, чтобы удовлетворить свои экономические интересы. Фактически здесь речь идет о капитализации доверия. Получается, что взаимодействие и связи в обществе основаны на взаимной выгоде, на допущениях о сходстве интересов участников взаимодействия. В 1916 г. понятие «социальный капитал» в отношении к социальной сплоченности и вкладу в сообщество определил Л.Дж. Ханифан, говоря о небольших группах: «Сообщество в целом получает выгоду от кооперации всех ее частей, а индивид получит в своих ассоциациях преимущество в виде помощи, симпатии и братства с его соседями» (Hanifan 1916: 131).

Концепт сплоченности как преимущества, взаимной выгоды на основе доверия можно применять не только к обществу в целом, но и к тем самым ассоциациям, о которых писал де Токвиль, а также другим группам. Социологи Чикагской школы показали, что в современных городах ввиду высокой плотности, большого объема и разнообразия городского населения узы кровного родства, соседства, солидарности, общности традиций уступают место конкуренции и формальным механизмам контроля (Вирт 2005). Но механизмы формирования связей и альтруистического поведения сохранились. Горожане стремятся (с раз-

ной степенью успешности) объединяться в группы с другими людьми на основе общности интересов для достижения своих целей; такие группы различаются по моральным основаниям, стратегиям идентичности и другим характеристикам (см. напр. Veal et al. 2003).

Анализируя характер социальной структуры сообщества небольшого города, Мертон писал о восприятии сплоченности как близких и надежных отношений и предложил еще одну формулу: восприятие — это функция доверия, а доверие, в свою очередь, — функция социальной сплоченности (Мертон 2006: 215–216). Впоследствии эти идеи развил Роберт Патнэм в своих работах о социальном капитале и доверии (см. напр.: Putnam 2000). Он предположил, что сплоченный социум характеризуется более высокой степенью политического участия и взаимодействия в сообществе. Социальная сплоченность формируется за счет разных видов социального капитала: обязывающего (*bonding* — исключаящего посторонних и усиливающего целостность групп) и связывающего (*bridging* — объединяющего, включающего, вовлекающего новых людей). Социальный капитал представлен социальными сетями и нормами доверия (*Ibid*). Межличностное доверие становится основой сотрудничества между людьми и делает возможным их коллективное действие. Это ведет к экономическому процветанию, культурной интеграции и политической стабильности, если только речь не идет о негативном социальном капитале — его формируют, например, криминальные группировки. Участие в социальных сетях становится формой вовлеченности, которая играет потенциально важную роль в межгрупповой связности. Доверие капитализируется, оно становится достоянием, растущим по мере его использования (Nemerijsk 2010: 89). Уровень сплоченности группы влияет на ее социальный капитал.

Патнэм вывел ряд закономерностей, обнаружив, в частности, негативную корреляцию между разнообразием и сплоченностью (Putnam 2007). Он показал, что в гетерогенных сообществах людям недостает социального капитала (как связывающего группы изнутри, так и отражающего характер межгрупповых связей). Недостаток однородности вынуждает людей выходить даже из ближайшего окружения, и создается атомизированное общество, противоположное по своей сути обществу сплоченному. В этнически разнообразных сообществах люди замыкаются, у них меньше друзей, уровень доверия здесь ниже, реже встречаются проявления альтруизма и общинной кооперации (Putnam 2007). И хотя считалось, что на уровне страны миграция и разнообразие скорее приносят экономическую выгоду и не оказывают негативного влияния на сплоченность общества (Ваусан, Nijkamp 2012: 191), — все же широко признавалось допущение, согласно которому «этнически разнообразные сообщества характеризуются недоверием, низким уровнем сплоченности и недовольством по поводу равноправного обеспечения общественными благами» (Alesina, La Ferrara 2000).

Недавно опубликованное исследование поставило под сомнение эти предположения. Согласно новым данным (Sturgis et al. 2014), Лондон, несмотря на высокую степень этнического разнообразия, является наименее сегрегированной частью Англии. Разнообразие здесь является не причиной социальной напряженности, а напротив, позитивным фактором социальной сплоченности, —

этот вывод противоречит многим предшествующим публикациям. Как известно, мигранты укореняются, прежде всего, в бедных районах, а бедность негативно влияет на социальную сплоченность. Кроме того, хорошо известна формула: чем более сегрегировано общество, тем ниже уровень доверия.

Используя весьма детальные данные о населении Лондона, исследователи пришли к выводу, что этническое разнообразие помогает улучшить жизнь сообществ, если принять в расчет пространственное распределение групп мигрантов в соседстве, а не степень социальной и экономической депривации жителей. Выяснилось, что положительный эффект разнообразия в наибольшей степени ощущается молодежью, тогда как сегрегация положительно воспринимается людьми старше 65 лет. Лондон является скорее исключением из правил. Это действительно уникальное место, поскольку здесь практически нет сегрегации, сообщества относительно благополучные и процветающие, разнообразие лишь улучшает, а не разрушает жизнь сообществ. Важный результат исследования состоит в том, что выводы о влиянии разнообразия на сплоченность сообществ, сделанные в предыдущих исследованиях, были поколеблены, что доказало необходимость учитывать различия контекстов (Sturgis et al. 2014: 1305).

В современных трактовках сплоченности как взаимной выгоды или преимущества на первый план выходит понятие инклюзивной экономики. В частности, Роб Оксоби понимает инклюзию в аспекте восприятия индивидом своих возможностей доступа к институтам и ресурсам в той среде, где принимаются решения. Индивид жертвует свое время, усилия для того, чтобы развить кооперацию с другими, тем самым инвестирует в социальный капитал. Поскольку инклюзия положительно влияет на намерения индивида вкладываться в социальный капитал, она становится средством достижения большей социальной сплоченности (Охобу 2009: 5, 7). Между этими понятиями существует динамическая связь. В инклюзивной экономике индивиды лучше стремятся инвестировать в социальный капитал, в свою очередь, повышая тем самым уровень социальной сплоченности в обществе. В эксклюзивной экономике индивиды слабо инвестируют в социальный капитал, поэтому там низкий уровень сплоченности (Ibid: 8).

Таким образом, в центре подхода, который рассматривает сплоченность как результат договоренностей, взаимную выгоду и преимущество, находится понимание того, что совместная жизнь в сообществе требует постоянных усилий, инвестиций в воспроизводство социального капитала. Инклюзия здесь измеряется в терминах доверия или инвестиций в социальный капитал и играет большую роль в сплоченности и экономическом росте. В этом случае исследователи тоже концентрируются на консенсусе в противовес конфликту, зачастую отталкиваются от допущения о социальной и культурной однородности сообществ и недооценивают роль разнообразных жизненных миров и видов сплоченности в высоко дифференцированном сообществе.

Сплоченность как ресурс взаимопонимания

Для формирования доверия не всегда достаточно лишь взаимных интересов и инвестиций. В современных обществах для построения отношений и связей

требуется понять друг друга. При этом сплоченность групп, интегрированных на основе ценностей, становится для индивидов ресурсом для действий, ориентированных на достижение взаимопонимания (Хабермас 2000: 202). Из этого жизненного мира участники коммуникации черпают устраивающие всех интерпретации. Речь идет об интересубъективном мире, содержащем то «наличное знание» (Шютц 2004: 402), которое позволяет интерпретировать реальность, создавая ощущение общности в индивидах. Отстаивая этические позиции рационализма и морального универсализма (см. Finlayson 2003: 1), Хабермас выступал против нерациональных форм социальной сплоченности, возникающих на основании сакральных, мифологизированных мировоззрений, мотивов, ценностных ориентаций (Хабермас 1993: 133–134). В процессе модернизации эти нерациональные формы социальной сплоченности, с его точки зрения, заменяет коммуникативное действие, противостоящее как идеологии, так и технократической этике. Рассмотрение сплоченности как жизненного мира и ресурса взаимопонимания в современных трактовках интегрируется с социал-демократическими идеями и концепциями равенства и инклюзии, к которым мы сейчас перейдем.

Сплоченность как равенство и инклюзия

Категория сплоченности активно используется в стратегических документах социальной политики и социального развития в ряде стран мира, а также на наднациональном уровне (см.: Роик 2009; Ярская, Ярская-Смирнова 2010). Так, содействие формированию социальной сплоченности является одним из основных целей Совета Европы, а сама концепция стала политической стратегией, тесно связанной с выполнением основных задач в сфере прав человека, демократии и правового государства. В таких публикациях сплоченность трактуется не как продукт или состояние, а как *процессы* развития сообществ (см. напр. Jenson 1998; Тоуе 2007). Люди становятся сплоченными, когда совместно справляются с различного рода вызовами, при этом растут возможности участия всех в социальной и экономической жизни сообществ (Galabuzi, Teeluck-singh 2010). Возможность индивида или группы участвовать в социальной и экономической жизни их сообществ, вносить посильный вклад, который признается и ценится окружающими, раскрывает категорию социальной инклюзии (Ogilvie, Eggleton 2013). Инклюзия рассматривается как свойство сплоченного общества. Эта категория стала сегодня хорошо известной в России не только исследователям, но и многим чиновникам и населению в целом благодаря активному обсуждению проблем инклюзивного образования. Аспекты инклюзии (или эксклюзии) могут проявляться в риторике СМИ, официальных документах и публичных выступлениях, в повседневных практиках работы, в организационной культуре: профессиональных компетенциях сотрудников, практике социального обслуживания и образования, повседневном взаимодействии с сообществом и клиентами (см.: Антонова 2013; Бабаян, Ярская 2013; Ворона, Карпова 2013; Романов, Яковлева 2013).

Теоретическое обоснование концепции социальной сплоченности интегрирует понятия солидарности, сообщества и аффилиации, а также социальной справедливости, инклюзии и прав человека, социального капитала, публичной

сферы и жизненного мира. Мы фактически возвращаемся к исходным концепциям Дюркгейма и Парсонса, но интегрируем их с другими подходами. Дюркгейм полагал, что в современном обществе сплоченность строится на основе органической солидарности, вырастающей из функциональной специализации. Парсонс выделял следующие процессы в качестве компонентов эволюционных изменений: дифференциация, адаптивное совершенствование, инклюзия, обобщение ценностей. Процесс дифференциации и адаптивного совершенствования делает все более трудным поддержание таких простых дихотомий, как высшие и низшие классы или «граждане первого или второго сорта». Задачи интеграции, координации функций меняющейся системы вызывают необходимость инклюзии, т. е. включения в общую систему сообщества со статусом полного членства ранее исключенных групп, которые выработали легитимизированную способность «вносить вклад» в функционирование системы (Парсонс 1993: 114).

Как видим, здесь подчеркивается встречное движение — система готова к интеграции, но все элементы должны быть функциональными. Недостатки этой утилитаристской трактовки в современных определениях сплоченности восполняются гуманистическими принципами прав человека. При этом в согласии с идеями классиков, в современных определениях сплоченности подчеркивается ключевая роль демократических механизмов принятия решений и мирного урегулирования конфликтов. В полном соответствии с концепцией социологии согласия Э. Дюркгейма, в определениях сплоченности на передний план выходит стабильность, но достигается она не за счет культурного закрытия и солидаризации одних против других, а за счет роста благополучия и жизненных шансов всех граждан без исключения. Важным условием такого рода сплоченности становится широкое гражданское участие и признание разнообразия (Кумлюска 2011). Эти процессы дают людям возможность ощутить чувство принадлежности и признания (Jenson 1998: 4), поэтому сообщества развиваются на отношениях доверия, надежды и реципрокности.

Так, в документах Совета Европы социальная сплоченность понимается как *способность общества гарантировать благополучие всем его членам, минимизируя неравенство и избегая поляризации* (см. напр.: A new strategy for Social Cohesion 2004). Благополучие при этом определяется через равенство прав, достоинство и признание каждого человека, автономию и личностное самовыражение, возможность полноправного участия в жизни общества. Ответственность за обеспечение благополучия для всех разделяется между государством, бизнесом и гражданским обществом. Считается, что в повышение степени социальной сплоченности вносят вклад те усилия государства, бизнеса, гражданского общества и СМИ, которые направлены на снижение бедности, развитие социальной инфраструктуры, сокращение преступности, соблюдение прав человека, соблюдение принципов равенства и справедливости (Ogilvie, Eggleton 2013). Как видим, речь вновь идет о сплоченности как приверженности общему благу, т. е. о «позитивной» сплоченности, на наш взгляд, ввиду укорененности современных доктрин социально-политического развития в концепциях социального согласия.

В качестве системы показателей состояния социальной сплоченности в этих документах представлена система критериев, отражающих комплексные

оценки благополучия граждан, уровня социального доверия, оценка дискриминации населением и другие. В частности, предлагается три *группы индикаторов* (A New Strategy for Social Cohesion 2004). Прежде всего, речь идет о показателе *качество жизни / благополучия населения и уязвимых групп населения*. Здесь, во-первых, рассматривается качество жизни индивидов и групп (их благополучие), которое, в свою очередь, предлагается анализировать в нескольких ключевых областях (восемь жизненных областей (занятость, доход, жилье, здоровье, питание и потребление, информация, образование, культура) для шести уязвимых групп (меньшинства, мигранты, дети, пожилые, инвалиды, женщины). Во-вторых, предлагается учитывать *вклад институциональных акторов* в решение проблем благополучия и сплоченности. Это, с одной стороны, различные стейкхолдеры (власти, рынки, приватная сфера — семья, местные сообщества — и гражданская сфера, все области, где может выражаться гражданство, включая СМИ), а с другой, — публичные и частные действия, которые они предпринимают. К публичным действиям относится деятельность в общих интересах, направленная на создание, регулирование, исправление или фасилитацию процесса социальной сплоченности, к частным — деятельность в специфических частных интересах (например, производство товаров и услуг), которые, в зависимости от того, как они реализуются, осуществляют позитивный или негативный вклад в общие интересы и в социальную сплоченность (позитивные или негативные внешние факторы). Наконец, третьим показателем выступает *распространенность ценностей сплоченности* — «жизненный мир», подразумевающий качество неформальных сетей, отношения доверия, разделяемые базовые знания и чувства солидарности. Тем самым в социальной политике пытаются найти механизмы, способные компенсировать разрывы первичных неформальных связей и управлять возникающими на почве негативной сплоченности конфликтами «мы-они».

Совсем недавно Советом Европы был принят ряд стратегических документов «Политика сплоченности на 2014–2020 гг» (Cohesion Policy). Эти документы ориентированы на результат и представляют комплексную программу действий почти на 352 миллиарда евро, которые предполагается инвестировать в развитие различных европейских регионов, городов и реальной экономики. Среди общих целей — экономический рост, развитие занятости, решение проблем, вызванных климатическими изменениями и энергозависимостью, сокращение бедности и социального исключения.

Выступая интегральной частью концепции прав человека, проблематика социальной сплоченности волнует ученых и политиков как развитых, так и развивающихся стран в различных регионах мира. При этом авторы стремятся учитывать множественность аспектов социального исключения, которое никогда не обнаруживается лишь в каком-то одном измерении (см. Bhopal, Preston 2012). Современные исследователи работают в междисциплинарной парадигме, анализируя взаимосвязи между рынком, демократией и сплоченностью, стремясь к объединению уровней анализа (Ocampo 2006; Friedkin 2004). Результаты таких исследований востребованы в стратегическом планировании на национальном и наднациональном уровнях (см. напр. Security through social cohesion... 2004; Solidarity-based choices in the marketplace... 2005; Reconciling labour flexibility with social cohesion... 2006). Так, в докладе ОЭСР 2012 г. внимание ана-

литиков фокусируется на новых глобальных центрах экономического притяжения, сместившихся за последнее десятилетие с Запада на Восток и с Севера на Юг. В 2000-е гг. беднейшие развивающиеся страны впервые за многие десятилетия опередили высокодоходные страны по экономическому росту: 83 страны удвоили подушевые показатели роста, рассчитанные по методике ОЭСР (в 1990-х гг. таких стран было всего 12) (см. подробнее: OECD 2012: 18).

Аналитики полагают, что экономический рост в этих странах несет большие возможности для финансирования инклюзивных процессов социально-экономического развития с учетом меняющихся ожиданий среднего класса и его вклада в сплоченность. В сплоченном обществе, указывается в докладе, люди должны быть защищены от рисков для жизни, они доверяют своим соседям и институтам государства и могут работать ради лучшего будущего для себя и своих семей, а развитие сплоченного общества невозможно без усилий по расширению инклюзивности, гражданского участия и возможностей восходящей мобильности для всех (Ibid: 17).

Каковы будут новые сценарии построения сплоченных обществ в этих странах и с какими новыми вызовами они столкнутся? В исследовании ОЭСР социальная сплоченность раскрывается через три ключевые ценности: социальную инклюзию, социальный капитал и социальную мобильность. Социальная инклюзия понимается как степень участия всех граждан на равных в экономической, социальной, политической жизни, в том числе, здесь же рассматривается защищенность людей в ситуации бедности и нужды. Социальный капитал трактуется как доверие между людьми и доверие ключевым институтам, а также в смысле принадлежности обществу. Социальная мобильность определяется как равенство возможностей для роста и развития. При этом акцент делается на роли правительств в достижении большей сплоченности. Благодаря продуманным стратегическим решениям в области социального развития могут улучшаться услуги здравоохранения, образования, социальной защиты и других сферах. Правительствам рекомендовано переосмыслить свои стратегии расширения гражданского участия и усиления демократических институтов. Сплоченность рассматривается не только как цель, но и как средство, поскольку двигаться к цели в ситуации разобщенности весьма затруднительно. Между тем если правительства проигнорируют вопросы социальной сплоченности, они рискуют столкнуться с вызовами социальной нестабильности и предпринимать неэффективные решения (Ibid: 19).

Усиление социальной сплоченности — это долговременный процесс. Хотя некоторые вмешательства государства могут приводить к незамедлительным последствиям, другие требуют длительного времени для получения результатов. Так, построение инклюзивной образовательной системы повышает уровень образования социально уязвимых групп и уровень образования в среднем, но это занимает достаточно много времени, чтобы увидеть эффект в межпоколенной социальной мобильности. Подобное долговременное планирование и приверженность целям такой политики требует стабильности макроэкономического контекста (Ibid: 20). Для социальной сплоченности, по выводам экспертов, чрезвычайно важны меры в области финансовой политики, рынка труда, заработной платы, социальной защиты, образования, гендерной

и миграционной политики, гражданского участия. В частности, институты рынка труда и социальной защиты предлагается оценивать не только в терминах их эффективности, но и с точки зрения их способности предотвратить или остановить сегментацию общества. Чем более инклюзивным становится образование, тем выше уровень доверия между различными группами в обществе, к таким выводам приходят авторы отчета экспертов ОЭСР.

Последовательные интеграционные процессы в отношении мигрантов должны, как указывают эксперты, включать комплексный набор мер социальной политики в аспектах занятости, образования, жилья и социальной защиты, а также в восприятии мигрантов принимающим населением. Социальное исключение по-прежнему оказывается барьером интеграции, поэтому так важно признавать противоречия, находить мирные способы их разрешения, развивать позитивные связи между мигрантами и местным населением, продвигать социальную мобильность мигрантов посредством возможностей рынка труда, предпринимательства, образования. Эксперты убеждены, что социальная сплоченность будет усиливаться благодаря инклюзивной политике, которая дает право голоса всем акторам — от тех, кто реализует меры государственной политики, до самих благополучателей (Ibid: 22–24). При этом чрезвычайно важно понимать, что процесс принятия решений должен быть информированным, основанным на систематической аналитической работе. По убеждению аналитиков ОЭСР, законопроекты, программы и отдельные меры должны подвергаться экспертизе, оценке под углом зрения социальной инклюзии, доверия, гражданского участия и социальной мобильности (Ibid: 25). Возможности гражданского участия можно расширить и использовать посредством специальных механизмов, среди которых важную роль играют такие ключевые социальные институты, как образование и право, система социальной поддержки, а также распространенные в культуре ценности и нормы, в соответствии с которыми строится взаимодействие и происходит взаимопонимание людей.

Выводы

В зависимости от предположений о природе социального порядка различаются и трактовки сплоченности. Попробуем систематизировать результаты нашего анализа в виде таблицы (табл. 1).

Далее было бы важно подробнее рассмотреть современную интегральную концепцию и систему индикаторов сплоченности, адаптировав ее к анализу российской действительности, и разработать концепцию социальной сплоченности. Мы предлагаем концептуализировать категорию социальной сплоченности в следующих взаимосвязанных измерениях: во-первых, как системные усилия основных акторов, направляющие и ресурсно обеспечивающие благополучие населения и социальную интеграцию при помощи институциональной базы, в том числе учреждений и организаций, проводящих эту политику на практике. При этом социальная сплоченность выступает одновременно и целью, и средством такой политики. Во-вторых, следует учитывать степень распространенности ценностей сплоченности в обществе, в СМИ и массовой культуре. В-третьих, сплоченность можно изучать через механизмы общенациональной

Сравнение подходов к определениям социальной сплоченности

Сплоченность	Ключевые авторы	Роль дифференциации, разнообразия	Идеологии/этические системы	Основы социального порядка	Условия сплоченности	Механизмы сплоченности
Приверженность общему благу Солидарность Интеграция	Дюркгейм Парсонс Мертон	Могут по-разному приниматься как источник социализации и инноваций	Республиканизм Солидаризм	Взаимозависимость Связанность Согласие	Разделяемые ценности Солидарность Альтруизм Сходство индивидов Функциональная потребность в интеграции Механическая солидарность	Аффилиация с группой (идентификация, принадлежность, референция) Взаимная поддержка Интеграция
Осознанное классовое сознание, солидарность Условие выживания	Маркс Самнер	Мобилизуют сплоченность	Марксизм Социал-дарвинизм	Конфликт Эволюция Неравенство	Классовая солидарность Угроза существованию	Социальное/ культурное закрытие Борьба с другими группами
Преимущество Договора	Локк — общественный договор Смит — разделение труда, Токвиль — добродетели демократии, Патнэм — соц. капитал	Снижают доверие, но могут принести выгоду	Либерализм	Приватная сфера (семья, рынки, сети) Согласие	Свобода Дифференциация индивидов Добродетели Взаимозависимость Обмен Органическая солидарность	Капитализация доверия Инвестиции Сотрудничество
Ресурс взаимопонимания	Хабермас — коммуникативное действие, жизненный мир	Вызывают интерес	Рационализм	Коммуникация	Разделяемые ценности и знания	Интерпретации Коммуникативное действие

<p>Способность обществу гарантировать благополучие для всех</p> <p>Способность к мирному коллективному принятию решений</p>	<p>Дюркгейм — лидерность Парсонс интеграция, инклюзия</p> <p>Теории социального исключения 1980-90х</p> <p>Патнем — соц. капитал</p> <p>Социальное гражданство — Маршалл и более поздние трактовки</p> <p>Права человека</p>	<p>Вызывают интерес</p> <p>Требуют учитывать неравенство и необходимость защиты прав</p> <p>Требуют механизмов мирного разрешения конфликтов</p>	<p>Социал-демократия</p>	<p>Демократическое правление</p>	<p>Равенство прав и возможностей</p> <p>Справедливость</p> <p>Солидарность</p> <p>Взаимозависимость</p>	<p>Инклюзия</p> <p>Мобильность</p> <p>Участие</p> <p>Реципрокность</p> <p>Демократические механизмы принятия решений и мирного урегулирования конфликтов</p>
---	--	--	--------------------------	----------------------------------	---	--

и внутригрупповой мобилизации. К третьему измерению относятся, в том числе, установки на коллективные действия, направленные на расширение доступности социальных и культурных сервисов, на формирование публичной сферы по проблемам сплоченности, доверия и инклюзии.

Мы уделили много внимания сплоченности и инклюзии, в том числе, и как стратегическим приоритетам политики зарубежных стран и Европейского Союза. Этим мы не хотели сказать, что там, «у них», все в полном порядке. Важно, что в упомянутых ориентирах социального развития стоило бы делать акцент не на единомыслии или на единении вокруг символа власти, а на признании противоречий и совместных усилиях в направлении роста и развития на принципах инклюзии, участия и справедливости.

Анализируя контексты сплоченности в современной России, следует принять во внимание общую социальную обстановку, состояние публичной сферы и гражданского общества в стране. Ведь сплоченность, с одной стороны, — это залог благополучия общества, сохранения разнообразия групп и укладов жизни, а с другой, механизм, способствующий разобщенности, конфликтам между группами, авторитарности правления. В современных обществах — и Россия не исключение — сосуществуют разнообразные виды социальной сплоченности — на уровне общностей различного масштаба, объединенных и разделенных между собой различными ценностными системами. Следовательно, нужно избегать двух предубеждений — относительно установленного социального и политического порядка и относительно культурной и социальной однородности (Norton, de Naan 2013: 12). Распространение либеральных ценностей увеличивает толерантность к праву личности ориентироваться на собственные, а не групповые интересы и повышает уверенность в своих силах, но не всегда приучает к равноправию и демократическим отношениям, конкуренция понимается вне этики, личные потребительские установки преобладают над гражданской позицией. В свою очередь, распространение консервативных ценностей повышает у людей мотивацию к сохранению существующего общественного порядка и традиции, преемственности и стабильности, постепенному реформированию, ставка делается на государственный патернализм (Баранов 2004).

Официальная публичная сфера формирует противоречивую повестку достижения общенационального единства за счет символического исключения «других». На фоне повышения роли государства как основного актора благополучия населения ряд реформ направлен на маркетизацию и приватизацию социальной сферы, оставляя не решенными вопросы доступности и инклюзии институциональной среды.

Создание и применение методологии исследования социальной сплоченности представляет собой важную задачу для ученых и политиков. Тем временем, Глеб Кузнецов, его однокурсники и мама осуществили очередной рывок в реализации этой концепции на практике. Это событие поколебало сложившуюся систему. Оно позволило группе студентов ощутить свою сплоченность, а также признание в масштабе страны. Это всего лишь неформальные и разовые практики, складывающиеся вопреки деятельности институтов, но благодаря альтруизму и взаимовыручке людей. Но когда люди стали частью процесса развития сообщества, благодаря СМИ и Интернету не замыкающегося в стенах университета, социальное исключение немного сократилось, а инклюзия выросла.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики, 2013, 11(3), с. 151–170.
- Бабаян И.В., Ярская В.Н. Культурное гражданство детей из семей мигрантов: потенциал и ограничения школьной интеграции // Журнал исследований социальной политики, 2013, 11(3), с. 251–256.
- Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: БГТУ, 2004.
- Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования, 1994, 5, с. 147–157.
- Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Луис Вирт. Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: ИНИОН, 2005, с. 93–118.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник-2012. Сб. научных трудов / Под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013, с. 97–167 [http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gofman_moral.pdf]. Дата доступа: 19.11.2014
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1993, 2, с. 94–122.
- Прозоров И. В МГЛУ студента-инвалида на лекции в течение двух месяцев носили кокурсницы // Первый канал, 19.11.2014 [<http://www.1tv.ru/news/social/272127>]. Дата доступа: 19.11.2014
- Путин: Сплоченность и патриотизм россиян нужно использовать для развития страны. 18 ноября 2014 [<http://www.baltinfo.ru/2014/11/18/Putin-Splochennost-i-patriotizm-grossiyan-nuzhno-ispolzovat-dlya-razvitiya-strany-462250>]. Дата доступа: 19.11.2014
- Роик В. По пути социальной сплоченности: Новый компас социальной политики // Социальное партнерство, 2009, 3, с. 2–5.
- Романов П.В., Яковлева В.В. Корпоративная социальная политика: частные решения общих проблем // Отечественный журнал социальной работы, 2013, 1, с. 97–105.
- Симонова О.А. Стыд и бедность: последствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики, 2014, 12(4) (в печати).
- Сталин И.В. Ленин как организатор и вождь РКП // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947, с. 305–315.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия. Неприкосновенный запас, 2001, 2(16) [<http://magazines.russ.ru/nz/2001/2/fook-pr.html>]. Дата доступа: 19.11.2014.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS, 1993, вып. 2, с. 123–136.
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000, 1(8), с. 47–62.

Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений. Мн.: ЕГУ, 2001.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная сплоченность: выбор идеологии и механизма реализации // Интеллигенция и идеалы российского общества. Сб. статей по материалам XI международной теоретико-методологической конференции. М.: РГГУ, 2010, с. 150–159.

A new strategy for Social Cohesion. European Committee for Social Cohesion (CDCS). Revised strategy for Social Cohesion approved by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 31 March 2004 // [http://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/socialcohesiondev/source/RevisedStrategy_en.pdf] Дата доступа: 19.11.2014

Alesina A., La Ferrara E. The Determinants of Trust, *NBER Working paper no. 7621*, 2000 [<http://www.nber.org/papers/w7621.pdf>] Дата доступа: 19.11.2014

Baycan T., Nijkamp P. A socio-economic impact analysis of urban cultural diversity: pathways and horizons, in: Nijkamp P., Poot J., Sahin M. (eds.) *Migration Impact Assessment: New Horizons*. Northampton, Cheltenham: Edward Elgar, 2012, pp. 175–202.

Beal D.J., Cohen R.R., Burke M.J., McLendon Ch.L. Cohesion and Performance in Groups: A Meta-Analytic Clarification of Construct Relations, *Journal of Applied Psychology*, 2003, 88(6), pp. 989–1004.

Benard S., Doan L. The Conflict–Cohesion Hypothesis: Past, Present, and Possible Futures, in: Sh.R. Thye, E.J. Lawler (ed.) *Advances in Group Processes*. Advances in Group Processes, Vol. 28. Emerald Group Publishing Limited, 2011, pp. 189–225.

Bhopal K., Preston J. (eds.) *Intersectionality and Race in Education*. Abingdon, New York: Routledge, 2012.

Bottero W. *Stratification: Social Division and Inequality*. London, New York: Routledge, 2005.

Cohesion policy 2014–2020 [http://ec.europa.eu/regional_policy/what/future/index_en.cfm]

Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. London: Polity, 1990.

Finlayson J.G. Theory of Ideology and the Ideology of Theory: Habermas contra Adorno, *Historical Materialism*, 2003, 11(2), pp. 169–187.

Friedkin N.E. Social Cohesion, *Annual Review of Sociology*, 2004, 30, pp. 409–425.

Galabuzi G.-E., Teelucksingh Ch. Social Cohesion, Social Exclusion, Social Capital, *Region of Peel Immigration Discussion Paper*, February 2010. [<http://www.peelregion.ca/social-services/pdfs/discussion-paper-1.pdf>] Дата доступа: 19.11.2014.

Hanifan L.J. The rural school community center, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1916, 67, pp. 130–138.

Hemerijck A. Social Cohesion, welfare recalibration and the European Union, in: *Challenges of Social Cohesion in Times of Crisis*, ed. by M. Zupi and E.E. Puertas. Madrid: Editorial Complutense, 2010: 71–150.

Jenson J. Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research. *Canadian Policy Research Networks Study F/03*, 1998 [http://www.cprn.org/documents/15723_en.pdf] Дата доступа: 19.11.2014.

Kymlycka W. Multicultural citizenship, in: *The Citizenship Debates: a Reader*, ed. by G. Shafir. Minneapolis: University of Minnesota, 2011, pp. 167–188.

MacIver R.M. *The Ramparts We Guard*. New York: The MacMillan, 1950.

Norton A., de Haan A. Social Cohesion: Theoretical Debates and Practical Applications with Respect to Jobs. *Background Paper for the World Development Report*, 2013

[http://siteresources.worldbank.org/EXTNWDR2013/Resources/8258024-1320950747192/8260293-1320956712276/8261091-1348683883703/WDR2013_bp_Social_Cohesion_Norton.pdf] Дата доступа: 19.11.2014

Ocampo J.A. Market, Social Cohesion, and Democracy. *DESA Working Paper* No. 9. ST/ESA/2006/DWP/9. February 2006 [www.un.org/esa/desa/papers/2006/wp9_2006.pdf] Дата доступа: 19.11.2014

OECD 2012. *Perspectives on Global Development 2012. Social Cohesion in a Shifting World*. OECD Publishing, 2011 [<http://www.oecd.org/site/devpgd2012/49067839.pdf>] Дата доступа: 19.11.2014

Ogilvie K.D., Eggleton A. In from the Margins, Part II: Reducing Barriers to Social Inclusion and Social Cohesion. *Report of the Standing Senate Committee on Social Affairs, Science and Technology*, Canada, June 2013 [<http://www.parl.gc.ca/Content/SEN/Committee/411/soci/rep/rep26jun13-e.pdf>] Дата доступа: 19.11.2014

Oxoby R. Understanding social inclusion, social cohesion and social capital. *Economic Research Paper*. 2009-09 [http://lcerpa.org/public/papers/LCERPA_2009-09.pdf] Дата доступа: 19.11.2014

Putnam R. *Bowling Alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster, 2000.

Putnam R. E Pluribus Unum: Diversity and community in the Twenty-First century, *Scandinavian Political Studies*, 2007, 30(2), pp. 137-174.

Reconciling labour flexibility with social cohesion — ideas for political action. Trends in social cohesion, No. 16. Council of Europe Publishing, 2006.

Security through social cohesion: proposals for a new socio-economic governance. Trends in social cohesion, No. 10. Council of Europe Publishing, 2004

Solidarity-based choices in the marketplace: a vital contribution to social cohesion. Trends in social cohesion, No. 14. Council of Europe Publishing, 2005

Sturgis P., Brunton-Smith I., Kuha J., Jackson J. Ethnic diversity, segregation and the social cohesion of neighbourhoods in London, *Ethnic and Racial Studies*, 2014, 37(8), pp. 1286-1309.

Toye M. *Social Cohesion: International Initiatives for Cities*. 24 October 2007 [<http://www2.parl.gc.ca/Content/LOP/ResearchPublications/prb0746-e.pdf>]

Wetherly P. Class struggle and the welfare state: some theoretical problems considered, *Critical Social Policy*, 1988, 22(8), pp. 24-40.